

УДК 94(47)+94(571)930.85

Письма и путевые заметки чиновников как источник для изучения представлений о декабристах в российском обществе во второй четверти XIX в.

Е. Б. Васильева

*Омский институт международного менеджмента
и иностранных языков «Ин. яз. – Омск», г. Омск*

В статье на основе писем и путевых записок чиновников исследуются представления о декабристах в российском обществе во второй четверти XIX в. Вводятся в научный оборот письма к родителям участника сенаторской ревизии Восточной Сибири 1843–1845 гг. Н. М. Голицына. Автор делает вывод, что в указанный период был сформирован основной комплекс представлений, характерных для последующего декабристоведения.

Ключевые слова: исторические источники, декабристоведение, декабристы в Сибири, чиновники, Н. М. Голицын.

Современным исследователям истории движения декабристов придется принимать во внимание, что декабризм стал историографическим, а в некотором роде и историософским феноменом. На сегодняшний день количество работ, посвященных специфике интерпретации декабризма, вполне сопоставимо с количеством трудов, непосредственно посвященных истории движения. При этом декабристоведы не просто ведут спор относительно отдельных сюжетов истории движения, его оценки и значения, но и упрекают предшественников и друг друга в создании различного рода мифологем. И, наверно, не случайно, что два знаковых периода отечественного декабристоведения сегодня маркируются как носители легенд: дореволюционный период – либеральной; советский – революционной.

Однако история декабризма обладает еще одной уникальной чертой. На протяжении всего периода ее изучения декабристы неизменно оцениваются не только как политические деятели, но и как носители культурно-нравственных ценностей, что также вызывает недоверие и жаркие споры.

В чем же причина такого рода явлений? Как правило, исследователи видят ее в особенностях зарождения и развития декабристоведения.

Как известно, становление декабристоведения приходится на вторую половину XIX в. На протяжении всего этого периода декабризм оставался практически единственной доступной темой из истории освободительного движения, в рамках которой общественные и политические деятели могли вести идейную борьбу, что во многом способствовало формированию идео-

логических клише. Сказывалась и источниковедческая ситуация – в силу многих причин основными источниками стали воспоминания и записки декабристов или людей, близко их знавших, что неизбежно задавало восприятию истории движения особый вектор развития [1].

В результате во второй половине XIX в. издателями, исследователями и публицистами была сконструирована некая система политических и нравственно-культурных образов участников декабристского движения, повлиявших на дальнейшее восприятие истории движения.

Вместе с тем с момента восстания и до момента амнистии декабристов прошло тридцать лет. И хотя официально о них не писалось, возникает вопрос: действительно ли декабристы все это время были вычеркнуты из общественной памяти, а их идейное наследие не было востребовано? Действительно ли то восприятие декабризма, которое сложилось во второй половине XIX в., было искусственно сконструировано или для этого имелись более реальные основания?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить, какими видело декабристов образованное российское общество во второй четверти XIX в., т. е. до амнистии и возвращения ссыльных.

Восстание декабристов во многом обусловило развитие русской общественной мысли, представители которой так или иначе соотносили себя с декабристами [10], но формирования четких представлений о самом движении не происходило. В то же время российское образованное общество имело некоторую информацию о декабристах.

Прежде всего, знали о самих событиях 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади и восстании Черниговского полка на юге России. Было довольно много очевидцев, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания [12]. Причем основная их часть носила крайне негативный по отношению к участникам выступления оттенок.

О программной части движения широкой общественности стало известно из «Донесения Следственной комиссии» графа Д. Н. Блудова, опубликованного в 1826 г. Естественно, что изложение истории было крайне предвзятым. По оценкам современников, он «дал рапорту вид литературного произведения, предназначенного подействовать на толпу обыкновенных читателей, нежели на просвещенных и сведущих судей» [11, с. 15]. В настоящее время данная точка зрения подверглась определенной корректировке, однако все же всей правды о декабристах, главным образом об их преобразовательных планах, не было представлено. Таким образом, в обществе циркулировали определенные сведения из «Донесения».

Сохранялась память о декабристах и в дворянской среде, среди родственников, сослуживцев, друзей – об этом свидетельствуют воспоминания, опубликованные уже после амнистии декабристов.

Важным источником знаний дворянского общества России стала информация, получавшаяся от дворян, живших в Сибири и посещавших ее.

Во второй четверти XIX в. развитие хозяйственной деятельности, заселение новых районов Сибири влекли за собой увеличение чиновничьего ап-

парата. Молодые дворяне отправлялись в Сибирь в надежде на успешное начало карьеры. В Сибири они встречались с осужденными декабристами, что нашло отражение в их письмах, воспоминаниях, путевых заметках.

Изучить эти свидетельства интересно по нескольким причинам. Во-первых, чиновники представляли официальную власть. Во-вторых, многие из них принадлежали к постдекабристскому поколению и не могли испытывать непосредственного влияния декабризма. Следовательно, с одной стороны, представления о декабризме формировались легендами, циркулирующими в обществе; с другой – эти люди смогли составить собственное представление об участниках декабристского движения.

При изучении воспоминаний и переписки сибирских чиновников бросается в глаза, что авторы большое внимание уделяли нравственности участников движения.

Так, в не раз использовавшихся историками воспоминаниях приезжавшего в Сибирь в составе ревизии сенатора И. Н. Толстого чиновника Л. Ф. Львова содержатся следующие характеристики: «Бесспорно, среди них были прекрасные люди, умные, образованные, но людей с выдающимися убеждениями и волею, с положительным характером и логикой я не встретил между ними» [3, с. 46]. Не менее хорошо известные воспоминания одного из сподвижников Н. Н. Муравьева-Амурского, довольно долго прослужившего в регионе, Б. В. Струве представляют отношение к декабристам не только его самого, но и генерал-губернатора: «...так называемые декабристы теперь (т. е. в мае 1848 г. – *Прим. авт.*) искупив заблуждения своей юности в тяжелом краю, принадлежат к числу лучших подданных русского царя; что никакое наказание не должно быть пожизненным, так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам; что нет основания оставлять их извержение навсегда из общества, в составе которого они имели право числиться по своим нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям» [4, с. 144].

Однако в данном случае может возникнуть вполне резонный вопрос – насколько можно доверять приведенным выше свидетельствам. На мемуарах, написанных в 1880-х гг., могли отразиться веяния эпохи, для пореформенного повествования о декабристах вообще было характерно подчеркивание морально-этических качеств участников декабристского движения.

Но есть и более достоверные источники – письма и путевые заметки. Это синхронный источник, который является показателем открытого поведения личности, выражением более или менее свободного мнения.

Краткие характеристики декабристов встречаются в путевых заметках М. С. Корсакова, состоявшего в 1848–1853 гг. по особым поручениям при Н. Н. Муравьева-Амурском. В конце 1840-х гг. он встречался с М. И. Муравьевым-Апостолом, И. Д. Якушкиным, И. И. Пуциным во время своего проезда через Ялуторовск. В целом он дает стандартные описания декабристов, описание сибирской жизни и т. д., но очень примечателен момент прощания: «Прощаясь, Пущин протянул мне руку, я обнял его и крепко поцеловались мы...», и далее: «Странно! люди они мне чужие,

провел я с ними день, и так сблизился, как будто давно уже были знакомы. А полюбил я их...» [8, с. 377].

Новые важные сведения были извлечены нами из неопубликованной переписки кн. Н. М. Голицына. По происхождению Николай Михайлович Голицын принадлежал к старинному княжескому роду. В 1843–1846 гг. состоял в составе комиссии по ревизии Восточной Сибири, возглавляемой сенатором И. Н. Толстым. Для Н. М. Голицына участие в ревизии было важно с точки зрения дальнейшей карьеры, которую он в будущем блистательно и построил, став генерал-аудитором флота, впоследствии одним из сподвижников великого князя Константина Николаевича [9, с. 57].

В ходе своего пребывания в сибирском регионе Голицын посетил Красноярск и Иркутск, где встречался с осужденными декабристами В. Л. Давыдовым, М. Ф. Митьковым, М. М. Спиридовым, А. З. Муравьевым, А. В. и И. В. Поджио, т. е. практически со всеми декабристами, находившимися тогда на поселении в этом регионе.

В своих письмах к родителям, написанных как на французском (перевод наш. – *Прим. авт.*)*, так и на русском языках, он повторяет практически все те стереотипы, которые известны нам, но в то же время старается сообщить мельчайшие подробности о декабристах. Так, он пишет: «Генеральша Бистром проезжала через Красноярск, в сопровождении Муравьевой, которая направляется в институт св. Екатерины в Москве. Эта молодая особа – сирота, дочь ссыльного, племянница советника Кругликова-Чернышева и его жены Чернышевой. В Красноярске находятся трое ссыльных по делу 14 декабря: Давыдов, Митьков и Спиридов, которые благодаря милости императора и заботе своих близких проводят годы ссылки довольно сносно, посвятив себя литературным занятиям» [4].

Голицын подчеркивает, что не у всех жизнь столь благополучна: «Существо, которое действительно заслуживает жалости, это Якубович, проживающий в селе Назимово, что к северу от Енисейска. Неблагоприятный климат губительно сказывается на его здоровье, кроме того, отсутствие средств к существованию вынуждает его жить сравнимую с жизнью самого бедного крестьянина» [4]. Конечно, в данном случае трудно судить, вызывала ли жалость сама личность А. И. Якубовича, или его менее обеспеченное существование.

Весьма примечателен и следующий пассаж: «Общество, которое мы посещаем с наибольшим удовольствием, это общество государственных преступников, находящихся на поселение в Красноярске. Это Давыдов, Митьков и Спиридов. Эти люди обладают большой силой духа, и большим сердцем. Они много видели и много читали, поэтому их рассказы всегда очень интересны. После всех перенесенных несчастий они сохранили все качества лучшего, присущие благородному обществу, с которым мы случайно столкнулись в Сибири» [5].

* Благодарю библиотеку Государственного Эрмитажа и Н. П. Матханову (Институт истории СО РАН, Новосибирск) за возможность работать с копиями этих писем.

В Иркутске Голицын встретился с другими декабристами. Это были знакомые родителей: братья Поджио – однополчане отца, Е. И. Трубецкая бывала у матери в Петербурге. «В числе государственных преступников, поселенных в окрестностях Иркутска и которых я посещаю, есть многие, которые, служа в гвардии, с Вами были знакомы; между прочим, два брата Поджио. Они служили с Вами в Преображенском полку и ныне живут с князем Волконским (их родственником) в селе Урик. Скажите графине Потемкиной, что я был в Айёке (Оёке. – Е. В.), у ее брата кн. Трубецкого и видел ее портрет (недавно присланный) и который очень похож. Две младших дочери кн. Трубецкого премилые дети. Княгиня добрейшая женщина, она помнит матушку и бывала у нас в Петербурге. Не могу не упомянуть об Артамоне Захарыче Муравьеве, которого я вижу довольно часто, потому что он живет в Разводной, в 4 верстах от Иркутска. В приятном обществе этих господ забываешь Сибирь и переносишь себя в петербургскую гостиную» [6].

Примечательно, что подобные характеристики мы можем встретить и в многочисленных воспоминаниях, оставленных самими сибиряками. Так, например, в воспоминаниях К. Голодникова, посвященных Западной Сибири, отмечалось: «В начале 1840-х гг. лучшее общество маленького и невзрачного городка Тобольской губернии Ялutorовска составляли государственные и политические преступники» [7, с. 753].

Однако Голицын видел в декабристах не только приятное общество. Так, он отмечал: «Заговорщиков в них вовсе нельзя узнать, они умные, образованные и благоразумные люди; на службе отечеству принесли бы стократ более пользы, чем все чиновники, которых здесь встречаешь с пряжкой беспорочной службы и в крестах» [6].

В глазах молодых чиновников участники движения не выглядели людьми, «едва не погубившими Россию». В декабристах они видели людей, способных принести реальную пользу России.

Отметим, что Голицын вполне отдавал себе отчет, что он проводит время именно с государственными преступниками, о чем свидетельствует следующее замечание: «Мы стараемся сохранять наши отношения в тайне. И не беспокойтесь, в них нет ничего предосудительного» [5].

О его верноподданнических чувствах свидетельствует и следующая реплика: «Давыдов кажется наиболее счастливым. Окруженный прекрасной семьей, он посвятил себя воспитанию детей. Спиридов и Митьков проводят время за обучением. Свобода, которою они пользуются *благодаря милости императора*, позволяет им вести привычный образ жизни» [5].

Выше мы уже отмечали, что участие в ревизии для Голицына было важно с точки зрения его карьеры, и вряд ли он бы стал ею рисковать, если бы понимал, что упоминание декабристов, признание их моральных качеств и заслуг могло бы нанести вред его планам. Необходимо принимать в расчет и следующее обстоятельство: несмотря на всю интимность письма, как правило, социальная практика показывала, что его читал не только адресат, но и довольно широкий круг людей: родственники, друзья, знакомые и т. д. Можно с большой долей уверенности утверждать, что подобные представления о

декабристах были довольно широко распространены в российском обществе второй четверти XIX в.

Итак, подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, на протяжении тридцати лет в российском обществе, пусть в ограниченном виде, существовали представления о декабристах. Это говорит о том, что память об участниках декабристского движения сохранялась.

Во-вторых, основываясь на источниках, мы можем говорить, что именно в этот период сложился основной комплекс представлений о декабристах, который актуален до сих пор. Специфика же источников не позволяет говорить о намеренности конструирования образов, так как ни путевые заметки-дневники, ни письма не предназначались для того, чтобы быть массовым транслятором. И говорить о социальном заказе тоже не приходится.

В заключение хотелось бы отметить, что, конечно же, на протяжении всего периода изучения история движения декабристов подвергалась различного рода влияниям как политического, так и социокультурного свойства, что повлияло на ее восприятие и приводило к появлению различного рода «мифологем». Отрицать это нельзя. Однако за появлением определенных образов стояли реальные предпосылки и исторические факты, которые необходимо искать и проверять. И только учет всех факторов может дать нам более глубокое понимание декабризма как историко-культурного явления.

1. *Васильева Е. Б.* Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Б. Васильева. – Омск, 2008. – 26 с.

2. [*Струве Б. В.*] Воспоминание о Сибири // Рус. вестн. – 1888. – № 6. – С. 144.

3. [*Львов Л. Ф.*] Воспоминания Л. Ф. Львова // Рус. архив. – 1884. – № 6. – С. 46.

4. *Голицын Н. М.* Восточная Сибирь. 1843–1845. Архангельск и Астрахань. 1855 // Библиотека Эрмитажа. РК. 5.1.23. № 167740. Л. 39 об. Письмо матери от 30 авг. 1843 г., Красноярск. На франц. яз.

5. *Голицын Н. М.* Письмо матери от 6 октября 1843 г. // Библиотека Эрмитажа. РК. 5.1.23. № 167740. Л. 42 об. На франц. яз.

6. *Голицын Н. М.* Письмо отцу от 28 апреля 1844 г. // Библиотека Эрмитажа. РК. 5.1.23. № 167740. Л. 71–71 об. На франц. яз.

7. *Голодников К.* Государственные и политические преступники в Ялutorовске и Кургане / К. Голодников // Ист. вестн. – 1888. – № 12. – С. 753.

8. *Корсаков М. С.* Путевые заметки / М. С. Корсаков // Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. – М., 1956. – С. 377.

9. *Матханова Н. П.* Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И. Н. Толстым («Дневник» В. Д. Филофова и письма Н. М. Голицына) / Н. П. Матханова // Гуманит. науки в Сибири. – 2012. – № 4. – С. 57.

10. *Рудницкая Е. Л.* Поиск пути. Русская общественная мысль после 14 декабря 1825 г. / Е. Л. Рудницкая. – М. : Аудиторил УРСС, 1999. – 272 с.

11. *Тургенев Н. И.* Ответы: I. На IX главу книги «Граф Блудов и его время» Ег. Ковалевского; II. На статью «Русского инвалида» о сей книге. – Париж, 1867. – С. 15.

12. 14 декабря: воспоминания очевидцев / сост. П. В. Ильин, при участии А. А. Кононова ; вступ. ст. П. В. Ильина ; коммент. А. А. Кононова, И. В. Осиповой, П. В. Ильина, Н. И. Веденяпиной. – СПб. : Академ. проект, 2004. – 752 с.

Letters and Travel Essays of Government Servants as a Source for Research on the Viewpoint on the Decembrists in the Russian Society in the Second Quarter of the XIXth Century

E. B. Vasilyeva

*Omsk Institute for international management and foreign languages
“Foreign languages – Omsk”, Omsk*

On the basis of letters and travel essays of government servants the article studies the viewpoints on the Decembrists in the Russian society in the second quarter of the XIXth century. It introduces the letters to the parents of N. M. Golitsyn, a participant of the senatorial inspection for Eastern Siberia in 1843–1845. The author resumes that over the specified period there was formed a main complex of the viewpoints specific to the subsequent studies on the Decembrists.

Key words: historical sources, studies on the Decembrists, the Decembrists in Siberia, government servants, N. M. Golitsyn.

Васильева Елена Борисовна – кандидат исторических наук, Омский институт международного менеджмента и иностранных языков «Ин. яз. – Омск», 644000, Россия, г. Омск, ул. Омская 121 – 6, тел. 89136815390, e-mail: elena_vasilyeva@bk.ru

Vasilyeva Elena Borisovna – Candidate of Historical Sciences, Omsk Institute for international management and foreign languages “Foreign languages – Omsk”, 64400 Omsk, Omskaya St., 121–6, phone 89136815390, e-mail: elena_vasilyeva@bk.ru